

В.В. Алексеев,

А.И. Кузьмин

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА УРАЛЕ

Опыт исторического развития населения Урала в долговременной исторической перспективе показывает, что демографические процессы в старейшем военно-промышленном районе России находились под сильным влиянием миграционного "допинга", что обуславливало высокие показатели прироста населения. Именно миграция в эпоху неолита дала мощный толчок процессам роста и перемещения населения на территорию Урала со стороны Волжского региона и Камы. Оценить гипотетическое количество населения в современных границах Урала накануне и в этот исторический период очень сложно. Можно предположить, что до начала неолитической революции в условиях собирательства флора и фауна Урала могли обеспечить источники существования малых популяций населения общей численностью не более 24-30 тыс. чел. Охота и рыболовство, зародившиеся в эпоху позднего мезолита (VI тысячелетие до н.э.), не делали устойчивым существование даже столь небольшой популяции людей. Неолитическая революция изменила условия жизни коренного населения Урала и стимулировала развитие примитивной сети поселений. Система расселения в эпоху бронзового и железного веков была чрезвычайно неоднородной и зависела от воздействия миграций в силу особенностей природных и ландшафтных условий (например, степные и таежные участки).

Численность угро-тюркского населения края в раннефеодальный период до сих пор точно не установлена. Настоящий толчок изменению динамики населения дала русская колонизация Урала. Вбрасается в глаза то обстоятельство, что даже по данным первых ревизий 20-60-х гг. XVIII в. численность населения в Пермской и Оренбургской губерниях составляла 575,7 тыс. чел. (первая ревизия 1719 г.). Ко времени второй ревизии (1745 г.) популяция выросла до 702,6 тыс. чел. (рост составил 1,22 раза). По данным третьей ревизии (1762 г.) насчитывалось 893,4 тыс. чел. (динамика роста усилилась и составила 1,27 раз) (3). Результаты пятой ревизии (1796 г.) позволяют сделать вывод о том, что численность населения указанных выше губерний составляла 1712 тыс. чел. При столь невысокой начальной величине населения края до XIX в. дальнейший его рост был впечатляющим и

превышал темпы роста российского населения в целом.

Прежде чем обратиться к анализу этого факта заметим, что, если из числа учтенных первыми тремя ревизиями душ исключить число русских и украинцев, то остаток будет свидетельствовать в основном о величине коренных народов края в границах Пермской и Оренбургской губерний (данные по Вятской губернии намеренно опущены, поскольку непонятно соотношение численности удмуртского и русскоязычного населения в этом регионе Предуралья). В результате подсчетов величина "коренного" населения будет более чем скромной (и это, если учесть временной лаг почти в пять тысяч лет, начиная с древнейших сообществ людей, проживавших на территории края). В таком случае, по данным первой ревизии насчитывается 218,8 тыс. чел., ко времени второй - 225,6 и третьей - 252,7 тыс. чел. Эти цифры говорят о многом и, в первую очередь, о сильном влиянии миграции на формирование современной картины населения Урала. По оценкам В.М.Кабузана, доля миграции в динамике роста населения в этот период составляла по Оренбуржью до трех четвертей общего прироста.

Эволюция коренного населения Урала до русской колонизации испытывала ошутимое влияние природных и социальных катаклизмов, этим объясняется то, что за 5 тысяч лет среднегодовые темпы его прироста не превышали 1%, а в иные исторические эпохи численность населения существенно падала. Общая динамика населения в этом смысле совпадает с мировой, а в общероссийском масштабе Урал заметно опережает по темпам роста населения иные регионы, что зафиксировано в многочисленных исследованиях. Так, за 1719-1795 гг. население уральских территорий выросло в 3,4 раза (России - в 2,4), в период с 1865 г. по 1915 г. - в 2,3 раза, в том числе в Оренбургской и Уфимской губерниях - в 2,8 раза.

В 1851 г. (десятая ревизия) на Урале насчитывалось 1733,8 тыс. душ мужского пола или, 3572 тыс. чел. В 1863 г. в Пермской и Оренбургской губерниях (до 1865 г. Уфимская губерния входила в состав Оренбургской) насчитывалось 3989,2 тыс. чел., в 1897 г. - 6791 тыс. чел. [5]. В 1917 г. на территории Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний проживали 8784 тыс. чел., в том числе в городах - 892 тыс. или 10,2 %.

В советский период по данным переписи населения 15 мая 1923 г. массив населения в пределах Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Вотской областей и Башкирской автономной республики насчитывал 9305,3 тыс. чел., в том числе женщин - 53,6%, а городского населения - всего 14,2%. Определить дальнейшую динамику населения

весьма сложно из-за ничем не оправданного интенсивного изменения административно-территориальных границ уральских и прилегающих к ним территорий в 20-30 гг. Пересчет населения в современных границах Уральского экономического района (с учетом вновь включенной в его состав в 1982 г. Башкирии) образует следующий статистический тренд: в 1926 г. - 10544,8 тыс. чел. (в том числе в городе - 1763,1 тыс.); по переписи 1937 г. - 12 353 тыс. чел.; в 1939 г. - 13452,5 тыс. (в городе - 4754,2); в 1959 г. - 17524,2 (10144,8); в 1979 г. - 19001,6 (12275,7); в 1979 г. - 19401,8 (13755,3); в 1989 г. население региона достигло 20247,3 тыс. чел., в том числе в городской местности проживала его основная часть - 15161,1 тыс. чел.

Если в период с 1939 г. по 1959 г. население Урала выросло в 1,3 раза (среднегодовой прирост составил 1,4%), то в РСФСР прирост населения за этот период составил лишь 8,4%. В 1959-1970 гг. динамика населения уральского региона заметно изменилась - темпы роста замедляются и становятся ниже федеральных. Среднегодовой прирост падает до 0,75%, а в следующем десятилетии - до 0,25%. Урал начал "отдавать" набранный до этого демографический потенциал территориям бывшего СНГ. Кривая роста населения падает, и дальнейший рост, особенно в условиях наступившей депопуляционной волны становится весьма проблематичным. В 1959-1970 гг. Урал потерял в безвозвратной миграции 1506,6 тыс. чел., в том числе следян 1866,3 тыс. чел.; в 1971-1980 гг. соответственно 857,3 и 1415,6 тыс. чел.; в 1981-1991 гг. - 588,5 и 955,4 тыс. чел., но в 1990-1991 гг. наблюдается миграционная убыль не только сельского, но и городского населения. В целом за 1959-1991 гг. отрицательное saldo миграции показывает, что с Урала уехали 2952,2 тыс. чел., а из сельской местности - 4237,0 тыс. чел.

Для восстановления картины демографического перехода требуются данные трендов общего коэффициента рождаемости и смертности (см. табл. 1). В длительной исторической ретроспективе приходится замечать общеуральские данные показателями отдельных территорий. В этом случае обобщенную картину по Уралу за исторический период длиной в 100 лет и более приходится принимать как своеобразную модель реконструкции демографических процессов, т.е. признавать некоторые допущения и условности. Напомним и о несовпадении территориальных границ некоторых регионов Урала.

Таблица 1

Динамика общих коэффициентов смертности и рождаемости
на территории Урала, %

Год	Рождаемость	Смертность	Год	Рождаемость	Смертность
1832	48,0	нет свед.	1960	25,1	7,3
1862	55,5	36,2	1961	23,5	7,3
1863	51,7	54,8	1962	21,4	7,4
1891	55,5	41,4	1963	19,9	7,1
1892	46,8	48,2	1964	17,8	6,8
1897	55,8	39,6	1965	16,2	7,2
1901	57,8	41,6	1966	15,8	7,3
1905	57,5	43,3	1967	15,0	7,6
1911	54,9	41,4	1968	14,7	7,9
1913			1969	15,0	8,3
1922	37,7	49,4	1970	15,3	8,5
1925	53,9	34,4	1971	15,8	8,5
1926	55,7	27,4	1972	16,1	8,8
1927	53,4	33,2	1973	16,1	9,0
1928	54,6	26,3	1974	17,1	9,2
1929	49,5	27,1	1975	17,0	9,7
1933	35,0	49,3 *	1976	17,2	10,0
1935	32,0	17,7	1977	17,0	10,0
1936	34,3	23,3	1978	17,0	10,4
1937	40,3	24,0	1979	16,8	10,5
1938	42,1	21,0	1980	16,8	10,7
1940	39,6	26,2	1981	17,1	10,7
1941	34,0	22,8	1982	17,4	10,4
1942	20,9	26,0	1983	18,9	10,7
1943	11,6	17,6	1984	18,2	11,3
1944	10,4	17,9	1985	17,7	11,0
1945	14,6	10,5	1986	18,5	9,8
1946	32,0	12,6	1987	18,5	10,0
1947	34,9	18,5	1988	17,1	10,1
1948	30,0	16,7	1989	15,5	10,2
1949	30,8	14,1	1990	14,0	10,4
1950	31,7	11,5	1991	12,6	10,7
1951	32,5	11,6	1992	9,7	12,5 **
1952	31,2	10,0			
1953	29,3	9,1			
1954	30,2	9,0			
1955	27,1	8,1			
1956	24,7	7,0			
1957	24,0	7,6			
1958	26,4	7,3			
1959	25,4	7,7			

* Показатель рождаемости рассчитан по темпам снижения, уровень смертности определен как средний за 1929-1935 гг., умноженный на коэффициент 2,2 (увеличение вала смертности в 1932-1933 гг. на территории Оренбуржья и Южного Урала).

** Предварительные данные.

Обратимся к описанию конкретных данных. Сразу же отметим, что уровень рождаемости в XIX в. не был столь высок, как, например, в 1926 г. В целом он приближался к уровню гипотетического минимума естественной рождаемости, то есть такой, какая могла бы быть при отсутствии фактора намеренного ограничения рождаемости в семьях, что подтверждается расчетами ГМЕР по методике В.А. Борисова [7] (см. табл. 2).

С начала XX в. течение демографических процессов на территориях Урала резко меняется. В первой половине 20-х гг. налицо классические формы демографического перехода, который мог бы проявить свое действие и раньше, при отсутствии трагических последствий гражданской войны и послевоенного периода. После гражданской войны наблюдался резкий подъем показателя смертности, перекрывший "вал" рождаемости 1921-1922 гг. При этом рождаемость на некоторое время тоже снизилась и была явно ниже уровня гипотетического минимума естественной рождаемости. Валет рождаемости во второй половине 20-х гг. явно превысил ее естественный уровень и имел выраженную компенсаторную природу, достигнув 50%, после чего величина общего коэффициента уже никогда не вырастала до таких показателей (см. табл. 3).

Отметим, что общее снижение смертности началось на уральских территориях в конце XIX в., и, если бы не Октябрьская революция 1917 г. с гражданской войной, разрухой и голодом, то процесс демографической трансации в его классическом виде, т.е. в виде согласованного плавного снижения трендов смертности и рождаемости, возник бы, вероятно, именно в начале XX в.

В силу исторических причин демографическая революция началась на четверть века позже, но, будучи "внутренне подготовленной" интенсивной индустриализацией, урбанизацией края и усилением миграционных потоков, следовавших через Урал в восточные районы России, она началась и закончилась в поистине сжатые сроки - в полувековой период. Не считая "подготовительного" периода демографической трансации на Урале, можно выделить четыре ее классические фазы.

Первая фаза, связана с радикальным снижением общего уровня смертности в результате стабилизации жизни в мирный период, улучшения системы здравоохранения, ликвидации неграмотности, сохранения принципа деления земли по едокам до периода коллективизации и голода 1933 г. на Урале и в Поволжье. В этот период в 1925-1928 гг. рождаемость не только не падает, но образует компенсаторный "пик", который, однако, не

Таблица 2

Динамика гипотетического минимума естественной
рождаемости на Урале, по В. А. Ворисову

Годы	ОКР	ГМЕР	ГМЕР-ОКР	ОКР/ГМЕР. 100, %
1958-1959	25,9	48,0	22,1	54,0
1969-1970	15,2	47,4	32,2	32,1
1978-1979	16,9	48,3	31,4	35,0

Таблица 3

Динамика живорождений
(на 1000 женщин данного возраста)

Возрастные группы, лет	1927-28гг.		1959-59гг.		1969-70гг.		1978-79гг.		1988-89гг.	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
До 20	68	54	30	54	38	51	39	60	52	92
20-24	322	349	149	218	142	196	148	214	161	223
25-29	274	348	139	203	101	140	100	137	94	126
30-34	209	305	84	150	59	96	51	78	46	71
35-39	147	241	44	96	30	53	15	36	19	35
40-44	71	133	14	38	7	19	4	13	5	11
45-49	15	37	2	6	1	3	0	1	0	0
15 - 49	178	214	78	120	55	71	58	78	47	86

Суммарный коэффициент рождаемости:

5,52 7,33 2,31 3,83 1,89 2,87 1,78 2,69 1,91 2,79

Таблица 4

Повозрастные коэффициенты рождаемости
женщин из различных социальных групп Уралобласти в 1928г.
(живорождений на 1000 женщин)

Возраст, лет	Рабочие	Крестьяне	Служащие
До 20	109	50	33
20-24	365	331	168
25-29	350	330	148
30-34	303	307	134
35-39	234	243	86
40-44	121	134	38
45-49	16	92	7
15 - 4	294	219	99
ОКР	7,48	7,43	3,06

превышает уровня, наблюдаемого в XIX в. Создаются условия для так называемого "бэби бума", или демографического взрыва, который действительно имел место, судя по среднегодовым темпам прироста в 1,5-2%. Эффект демографического взрыва усилила массовая, организованная и стихийная миграция населения на Урал и в Зауралье. В целом в этот период рождаемость оставалась очень высокой (см. табл. 4).

Вторая фаза демографической трансции связана со стремительным падением уровня рождаемости вслед за снижением смертностью почти до 1933 г. Эта тенденция напоминала "французский" тип демографической революции и предотвратила нарастающий демографический взрыв от многократно растущих величин естественного прироста в случае временного разрыва в уровнях рождаемости и смертности за тот или иной период демографической истории. Однако под влиянием голода и недоедания в 1933 г. резко увеличивается вал смертности, причем, по оценкам специалистов, в период 1932-1933 гг. общий уровень смертности повышается в Предуралье и на юге Урала в 2,1-3 раза [8]. Трудно сказать, превысил ли в этот период уровень смертности уровень рождаемости по общему коэффициенту, но депопуляционный "провал" имел место не менее, чем на половине территорий Урала.

Именно с 1933 г. начинается рост величины общего коэффициента смертности, аналогичный довоенному, объяснить который чисто политическими факторами и репрессиями не представляется возможным. Характерно, что в этих тяжелых депрессионных условиях всплеска смертности показатель рождаемости до самой войны и в первый ее год ведет себя чисто компенсаторным образом. Данная флюктуация трендов полностью противоречит генеральной тенденции демографического перехода и отражает, помимо влияния экономических и политических причин, результаты воздействия миграционных волн.

В последние предвоенные 1938-1941 гг. величина общего коэффициента рождаемости падает, в то время как смертность растет, что усиливает явный депопуляционный срыв в годы Отечественной войны. Депопуляционный срыв дополняется потерями населения в годы войны 1941-1945 гг. На Урале в этот период наблюдается характерный для России "провал" рождаемости в "яму" войны, что сопровождается более высокими уровнями общей смертности, но смертность в целом НЕ ПОВЫШАЕТСЯ (как раньше в подобных случаях - в исторические периоды неурожая, голодных лет, эпидемий 1863, 1892, 1920-1922 гг., 1933 г.).

Общая смертность в период войны снижается, причем быстро, что позволяет кривой общей рождаемости уже в 1945 г. при невысоких величинах порядка 15% превзойти тренд смертности. Следует учесть, что в предвоенные и военные годы окончательно завершаются эпидемиологический переход, коренная и подлинная перестройка причин смертности на современный лад. На первое место среди причин смертности выходят потери от сердечно-сосудистых заболеваний, затем - от онкозаболеваний (особенно в послевоенные годы). В общей структуре смертности основное значение начинают играть уже не экзогенные, а эндогенные факторы. Этой тенденции в военный период способствует распространение сульфидных препаратов и антибиотиков, а препятствуют военные потери. В послевоенный период снижению смертности начинает заметно противостоять высокий на Урале уровень потерь населения от несчастных случаев, отравлений и травм.

В 1959 г. средняя продолжительность жизни на Урале у мужчин в сельской местности составила 61,5 года, в 1965 - 62 года, 1970 - 60,4 года, в 1979 г. - всего 58 лет, в 1989 - 61,4 года. Такова динамика минимальных коэффициентов средней продолжительности жизни. В городской местности средняя продолжительность жизни мужчин увеличилась на Урале за 1959-1989 гг. с 62,3 до 63,5, тогда как у женщин с 70,7 до 72,9 лет (как видим, прогресс незначительный).

Динамика средней ожидаемой продолжительности жизни в Екатеринбурге отлично иллюстрирует процесс демографического перехода за столетний период:

	1897г.	1926г.	1939г.	1959г.	1965г.	1970г.	1979г.	1989г.
мужчины	26,6	37,8	37,0	63,8	65,1	64,4	61,4	66,7
женщины	27,9	39,9	33,5	72,1	74,1	73,7	72,2	74,4

В целом, военный период нарушил в регионе нормальное историческое течение процессов демографического перехода, "разрезав" вторую фазу демографической трансции как бы пополам. В послевоенный период объективно и субъективно (через мотивации в семье) проявляется эффект компенсации человеческих потерь. Кривая величины общего коэффициента рождаемости резко поднимается вверх, достигая миниму-

ма в начале 50-х гг. Уровень смертности после непродолжительного подъема первых послевоенных лет (совпавших с экологической катастрофой радиационного загрязнения ПО "МАЯК" поймы реки Теча в 1946-1949 гг. и загрязнения территорий на границе Свердловской, Курганской и Челябинской областей) начинает снижаться и возвращается в русло закономерностей демографического перехода, сокращаясь по общему показателю до минимума в период с 1956 г. по 1957 г. Завершаются целый период демографической истории Урала и отдельная фаза демографического перехода, период, который мог бы привести к мощной реализации демографического потенциала региона в пределах 3-4% среднегодового прироста. "Демографический взрыв" на Урале в 30-40-е гг. не состоялся из-за исторических причин, но он состоялся в 50-70-е гг. в республиках Средней Азии.

Со второй половины 50-х гг. в демографической истории Урала начинается III фаза демографического перехода. Демографическая система региона продолжает некоторое время развиваться в условиях параллельной динамики низкого уровня рождаемости и относительно низкого уровня величины общего коэффициента смертности. После чего кривая общей смертности начинает полого возвышаться в силу старения населения и неблагоприятных процессов в смертности мужчин трудоспособного возраста, что в этот период характерно для всей территории России. Тренд рождаемости снижается, назревает новый депопуляционный срыв, который, однако, не наступает, и в 1968 г., достигнув минимума, показатель рождаемости начинает медленно подниматься вверх, превышая коэффициенты смертности (в репродуктивных возрастах женщин входят более многочисленные поколения, а инверсионный след войны перестает на какое-то время неблагоприятно влиять на демографическую динамику событий).

Неблагоприятные исторические факторы, отразившись на возрастной структуре живущих, начинают активно влиять на баланс рождений и смертей в регионе с середины 80-х гг., но в течение 1982-1984 гг. сдерживаются мерами первого эшелона демографической государственной политики, а в период начала перестройки - эффектом антиалкогольного законодательства и надеждами людей на улучшение условий жизни (что влияет на реализацию репродуктивных ожиданий семей в положительную сторону). Дальнейшие события развиваются более драматично. Эйфория в репродуктивном поведении семьи в постперестроечный период уступает место полной депрессии и подчинению репродуктивных целей ценностям самосохраняющего поведения. В условиях неблагоприятной демографической конъюнктуры (наи-

более фертильные группы женщин почти "ополовинели" по ряду территорий) резко снижение степени удовлетворенности жизнью и благосостоянием препятствует рождению второго и третьего ребенка и реализации, и без того никакой, потребности уральской семьи в детях. В мотивацию рождаемости начинают входить учащающиеся ссылки на инфляцию, рост цен, преступность и самое главное - тревога родителей за будущее детей.

Отношение исторических и ситуационных факторов снижения рождаемости в этот период примерно 50:50, что подтверждается данными локальных исследований в России, в том числе на Урале и в Сибири в 1991-1992 гг.

С 1987-1988 гг. в регионе начинает резко падать уровень рождаемости. С этого момента можно констатировать вступление Урала в IV фазу демографического перехода - депрессивную. Движение в этом режиме приводит в 1992 г. к крупномасштабному депопуляционному кризису, равнявшемуся не только в регионе, но и по всей России, а также в Белорусии, на Украине и в государствах Балтии.

Возникает реальная перспектива долговременного существования Урала и России в условиях открыто идущей депопуляции, в режиме суженного замещения поколений - в любом случае. Последнее может выражаться в перемежающихся всплесках и превышениях уровней рождаемости и смертности относительно друг друга. Вероятно будет воспроизводиться некоторое подобие отношений рождаемости и смертности в период до демографической трансформации к современному режиму замещения поколений. В этих условиях государство окажется перед необходимостью управлять данным процессом и вкладывать средства в политику снижения потерь от смертности, стимулирования рождаемости до желаемого обществу уровня в сочетании с экономическими и геополитическими целями. В научном отношении процесс демографической трансформации на Урале и его периодизация требуют основательного детального изучения, что предполагает с учетом изначально существующего режима замещения поколений в традиционном и примитивном союзе выделение пяти и более отдельных фаз и этапов.

1. История Урала с древнейших времен до 1861г. М., 1989. С. 209.
2. История Урала в период капитализма. М., 1990. С.103-104.
3. Кабузан В.М. Население Урала в 20-60 гг. XVIII в. (Численность, размещение, этнический состав) // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск. УО АН СССР, 1990. С.47-65.
4. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 10.
5. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724-1816 гг. // История СССР. 1957. N 1.
6. Гапоненко Л.С., Кабузан В.М., Кувьмина Т.Ф. О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический архив. 1962. N 5. С. 57-82.
7. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1977.
8. Балакин Д.Б., Кондрашин В.В. Карта голода 1932-1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Историческая демография: Новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13-14 мая 1992 г. М. 1992. С. 78-79.